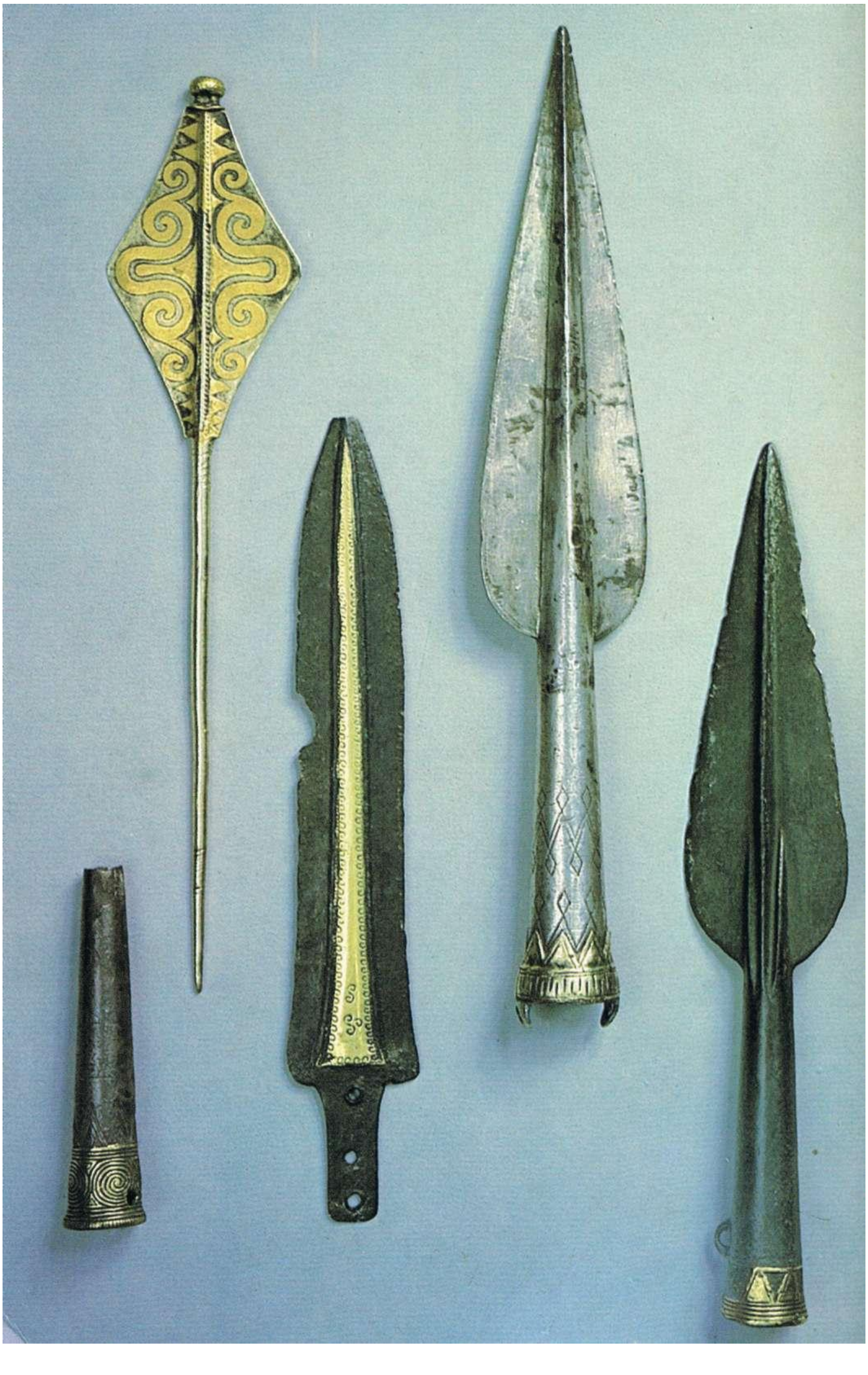
БОРОДИНСКИЙ КЛАД



БОРОДИНСКИЙ КЛАД

THE BORODINO TREASURE

Государственный Исторический музей
The State History Museum

Бородинский клад, или как его ещё принято называть Бессарабский, — одно из ценнейших сокровищ, хранящихся в археологическом отделе Государственного Исторического музея. Клад был найден в 1912 году. По счастливому совпадению в этом же году был раскопан Сейминский могильник на Средней Волге. Несмотря на большую удаленность друг от друга, оба памятника содержали ряд однотипных металлических изделий, которые имели аналогии в хорошо датированных памятниках Передней Азии и Эгейского мира. Это позволило установить хронологические вехи бронзового века Восточной Европы. Находки, сделанные более 70 лет назад, имеют и сегодня первостепенное значение для установления абсолютных датировок памятников II тысячелетия до н. э.

II тысячелетие до н. э. — это время, когда степные и лесостепные пространства Восточной Европы были заняты различными этнокультурными группами населения, основой экономики которых постепенно становилось скотоводство, ставшее впоследствии самостоятельной и основной отраслью производства. Наибольших успехов в разведении скота достигли племена Евразии. В это время значительно расширяются и усовершенствуются способы использования скота. Развивается не только „мясное“ скотоводство, но и молочное хозяйство. Широко распространяется и умение обрабатывать шерсть животных, чему способствовало изобретение ткацкого станка. Скот используется и как средство передвижения и тягловая сила в земледелии. Впервые лошадь применяется и в военном деле — появляется конница.

Племена, достигшие наивысшего уровня развития скотоводства, оказались в особо выгодных условиях по сравнению с населением лесных зон, которые продолжали жить на уровне присваивающего хозяйства, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством.

У скотов…

…ственного Исторического музея О. А. Кривц… сотрудницей Государ… вой-Граковой…

…кая комиссия в 1914 году, ввиду большой значимо… Археологичес… …сти находки, в… …несла постановление о передаче клада на хранение в Музей изя… …щных искусств. В 1932 г. клад поступил в Государствен… …ный Истор… …ический музей в обмен на греческие вазы античного време… …ни из кол… …лекции М. П. Боткина. С тех пор он постоянно экспонирует… …ся в эк… …спозициях различных выставок в Советском Союзе и за рубе… …жом.

Клад состоит из 17 предметов, из которых одиннадцать в хорошей сохранности, а шесть дошли до нас в виде фрагментов. В клад входят два серебряных наконечника копий и обломанная ещё в древ…

Кроме того, три фрагмента каменных топоров, две бронзовые пластины, по-видимому, оковки древков и два фрагмента керамики.

К металлическим вещам относятся два хорошо сохранившихся наконечника копий и обломанная ещё в древности втулка от третьего. Все они сделаны из серебра. Самое массивное копье, длиною 34,1 см, весит 519,1 г. Оно изготовлено из высокопробного серебра 916 пробы. Из этого серебра было и копье, от которого сохранилась лишь втулка. Второе копье было несколько меньших размеров, оно весило 280,8 г и было сделано из низкопробного серебра 400 пробы, представляющего собой сплав серебра и меди. Спектральный анализ металла копья позволил установить источник поступления сырья — это Никольское месторождение серебра и Приуралье.

В древности наконечники копий насаживались на длинные деревянные древки. Для более прочного скрепления древка с наконечником копья служили два ушка на первом копье, одна петля на втором и два сквозных отверстия на втулке третьего. В них пропускался сыромятный ремень, который ещё надежнее скреплял копья с древками.

Бородинские копья (перо, втулка, ушки и петли) отлиты целиком в двусторонних литейных формах. Такая техника литья свидетельствует о высоком уровне развития мастерства древних металлургов. После отливки поверхность копий была подвергнута дополнительной обработке. Тщательным образом мастер убрал все литейные швы, поверхность заровнял и отшлифовал. Первоначально круглый стержень пера был откован и превращен в четко выступающее ребро, что придало копьям удивительную стройность. Лезвия копий были с ювелирной точностью оттянуты и тщательно прокованы. Край лезвия заточен не полностью, а лишь в верхней, ближней к острию, части пера. По-видимому, серебряные копья берегли и избегали неизбежной потери дорогого металла при заточке.

После полировки на поверхности пера первого копья и на трёх втулках был нанесен орнамент, который выполнен опытными художниками-ювелирами. Орнамент нанесен миниатюрными плоскими и круглыми чеканами. Все втулки копий украшены тонкой нарезкой и инкрустированы листовым золотом 750 пробы. Орнаменты выполнены в одной технике и одними и теми же ювелирными приемами. Первоначально мастер чеканил узоры на серебряной основе копья. Затем на орнамент накладывалась тончайшая золотая пластина. Она настолько тонка, что на инкрустацию всех трёх втулок было затрачено чуть больше 5 г листового золота. Изготовление тонкого листового золота также требовало большого ювелирного искусства. На золотую накладку вторично наносился узор, который во всех деталях повторяет орнамент, нанесенный на серебряную основу копья. Таким образом, все линии на золотой пластине соответствовали линиям, нанесенным на серебро. Золото заполняло все углубления в серебре и способствовало закреплению золотой пластинки на копье. Такой прием был хорошо известен уже в глубокой древности в различных культурах Эгейского мира, Передней Азии. На изделиях

Бородинского клада он выглядит как уже хорошо отработанная и давно сложившаяся система инкрустаций золотом по серебру. Подобные приемы широко применяются в ювелирном производстве и в настоящее время.

Узоры на всех трёх втулках копий Бородинского клада различны и представляют большой интерес.

Сложным орнаментом, состоящим из трёх зон, украшена втулка самого массивного копья. Верхняя полоса узора — это двойные зигзаги, по углам которых расположены ромбы. По внутреннему краю ромбы окаймлены пунктиром, а по внешнему — бахромой из небольших насечек. Вторая полоса орнамента состоит из тех же ромбов, которые соединены между собой зигзагом, и обрамляет ещё одну линию треугольников. Третья полоса узора сплошь покрывает золотую пластинку на выпуклой части втулки. На ней две линии глубоких насечек, между которыми точками нанесена линия меандра. От ювелира потребовалось большое мастерство, чтобы покрыть золотом два ушка и нанести на них дополнительный узор. Копье имеет тончайшую линию орнамента из мелких насечек вдоль всего лезвия копья.

Втулка второго копья имеет более простой узор. Это треугольники, обрамленные двумя рельефными золотыми полосами. Внутри полосы треугольники чередуются: один инкрустирован золотом, второй — оставлен серебряным; это придает орнаменту рельефность.

Втулка третьего копья украшена широкой золотой пластиной, по которой нанесен узор в виде сильно закрученных спиралей, промежутки между ними заполнены треугольниками из точечных вдавлений. Над золотой полосой нанесена линия треугольников. Внутреннее пространство треугольников орнаментировано узором в виде меандра.

Копья такого типа, как найденные в Бородинском кладе, выполненные главным образом из бронзы, известны в памятниках Поволжья, Приуралья, Северного Казахстана и Сибири. Они связываются с богатыми захоронениями в могильниках и датируются временем, близким к середине II тысячелетия до н. э. (XV—XVI вв. до н. э.). По археологической классификации они относятся к копьям сейминско-турбинского типа. В фондах Государственного Исторического музея хранятся аналогичные копья из Турбинского могильника, выполненные в бронзе и серебре. Некоторые из них имеют на втулках рельефный орнамент. Но все известные до сих пор находки, даже серебряные, отделаны значительно проще, чем копья из Бородинского клада. Их орнаментация аналогий не имеет. Только отдельные детали узора, такие, как заштрихованные треугольники и ромбы, меандр, находят аналогии в различных культурах Евразии, а узоры из спиралей и свастики — в культурах Эгейского мира. Вся же орнаментация в целом представляет собой сплав различных культурных влияний, творчески переработанных местными мастерами.

По технике изготовления к копьям близок и кинжал Бородинско-

Бородинского клада он выглядит как уже хорошо отработанная и давно сложившаяся система инкрустаций золотом по серебру. Подобные приемы широко применяются в ювелирном производстве и в настоящее время.

Узоры на всех трёх втулках копий Бородинского клада различны и представляют большой интерес.

Сложным орнаментом, состоящим из трёх зон, украшена втулка самого массивного копья. Верхняя полоса узора — это двойные зигзаги, по углам которых расположены ромбы. По внутреннему краю ромбы окаймлены пунктиром, а по внешнему — бахромой из небольших насечек. Вторая полоса орнамента состоит из тех же ромбов, которые соединены между собой зигзагом, и обрамляет ещё одну линию треугольников. Третья полоса узора сплошь покрывает золотую пластинку на выпуклой части втулки. На ней две линии глубоких насечек, между которыми точками нанесена линия меандра. От ювелира потребовалось большое мастерство, чтобы покрыть золотом два ушка и нанести на них дополнительный узор. Копье имеет тончайшую линию орнамента из мелких насечек вдоль всего лезвия копья.

Втулка второго копья имеет более простой узор. Это треугольники, обрамленные двумя рельефными золотыми полосами. Внутри полосы треугольники чередуются: один инкрустирован золотом, второй — оставлен серебряным; это придает орнаменту рельефность.

Втулка третьего копья украшена широкой золотой пластиной, по которой нанесен узор в виде сильно закрученных спиралей, промежутки между ними заполнены треугольниками из точечных вдавлений. Над золотой полосой нанесена линия треугольников. Внутреннее пространство треугольников орнаментировано узором в виде меандра.

Копья такого типа, как найденные в Бородинском кладе, выполненные главным образом из бронзы, известны в памятниках Поволжья, Приуралья, Северного Казахстана и Сибири. Они связываются с богатыми захоронениями в могильниках и датируются временем, близким к середине II тысячелетия до н. э. (XV—XVI вв. до н. э.). По археологической классификации они относятся к копьям сейминско-турбинского типа. В фондах Государственного Исторического музея хранятся аналогичные копья из Турбинского могильника, выполненные в бронзе и серебре. Некоторые из них имеют на втулках рельефный орнамент. Но все известные до сих пор находки, даже серебряные, отделаны значительно проще, чем копья из Бородинского клада. Их орнаментация аналогий не имеет. Только отдельные детали узора, такие, как заштрихованные треугольники и ромбы, меандр, находят аналогии в различных культурах Евразии, а узоры из спиралей и свастики — в культурах Эгейского мира. Вся же орнаментация в целом представляет собой сплав различных культурных влияний, творчески переработанных местными мастерами.

По технике изготовления к копьям близок и кинжал Бородинского клада. Его лезвие и черенок целиком отлиты из серебра в одной литейной форме. Металл заливался в форму через отверстие, сделанное со стороны острия кинжала. После отливки поверхность кинжала прокована и отполирована, лезвие частично заточено, на черенке пробиты три отверстия. В них входили заклепки, прочно закрепляющие насаженную на черенок рукоятку. На бородинском кинжале рукоятка не сохранилась; она могла быть костяной или деревянной. Не исключено, что кинжал имел металлическую рукоятку типа рукояток кинжалов, найденных в царских захоронениях в гробницах древних Микен в Греции. Форма клинков микенских и бородинских кинжалов чрезвычайно близка. Их близость видется в том, что инкрустированы они с обеих сторон клинка золотыми пластинами, расположенными в центре кинжала. Золотые накладки полностью повторяют форму клинков. Бородинский кинжал покрыт тонким чеканным орнаментом в виде полуспирали. Узор расположен на стыке золотой накладки и серебряной основы кинжала. Его нанесение способствовало креплению золотой пластины на клинке. Способ литья, ювелирная техника инкрустации те же, что и на микенских копьях. Чрезвычайно интересны два трискелия — схематичных цветка, изображенных в центральной части клинка на обеих его сторонах. Завитки трискелей выполнены тем же штампом, что и орнамент вдоль золотой пластины. Изображения трискелей известны на бляхах, найденных в погребениях в микенских гробницах. Этот узор находит аналогии и в других памятниках Эгейского мира середины II тысячелетия до н. э.

Серебряная булавка Бородинского клада выполнена в той же технике литья и ювелирной технике инкрустации золотом, что и все серебряные предметы клада. Булавка имеет большую ромбовидную головку, заканчивающуюся округлой шляпкой. Щиток и головка отлиты отдельно от булавки и скреплены с ней небольшим штырем, а затем приклепаны. В шляпке сделано вертикальное отверстие. Булавка массивна: её длина более 31 см и вес 173,5 г. Булавкой скреплялась и украшалась одежда. Шнурок, продетый в отверстие шляпки булавки, обматывал иглу и щиток булавки и закреплял её в одежде. Массивность булавки заставляет предполагать, что это скорее всего парадное украшение. Это же подтверждает и богатый орнамент на булавке, выполненный инкрустацией золотом и тонкой насечкой. Растительный орнамент занимает обе стороны ромбического щитка булавки. Узор в виде лилий и спиралей сочетается с рядами треугольников. На одной стороне щитка в орнаменте преобладают треугольники над растительным узором, с другой — растительный орнамент занимает почти всю площадь щитка. По границам золотой платины идёт узор из цепочки кружков, нанесенных штампом в виде трубочки.

Форма булавки оригинальна и полных аналогий не имеет. Зато схематическое изображение лилий (лотоса) и спиралей, занимающих центральное место в орнаментальном узоре булавки, хорошо сопоставляется с такими же изображениями на ряде блях, найденных в микенских гробницах. Однако сочетание их с рядами треугольников совершенно неожиданно и самобытно и указывает на восточные влияния.

Все три булавы Бородинского клада сделаны из белого камня тальковой породы. Эта порода камня была хорошо известна в древности на Кавказе и Саянах. Булавы изящны, хорошо отполированы и просверлены. В древности они были насажены на деревянную рукоятку. Две булавы имеют почти шарообразные, слегка приплюснутые формы. Третья булава более редкой и вычурной формы. Она имеет удлиненную яйцевидную форму, на тулове которой выступают четыре полушарные отростка. Булава украшена рельефными валиками, окружающими отверстие для рукоятки.

Эти формы булав довольно часто встречаются в памятниках эпохи бронзы на обширной территории Северного Причерноморья, Кавказа, Поволжья и Подонья. Они характерны для многих древних народов. Во время раскопок их находят, главным образом, в богатых захоронениях курганных могильников и связывают с погребениями племенных вождей и родовых старшин.

Самыми прекрасными изделиями Бородинского клада являются четыре каменных сверленных топора. По своей изящности, совершенству форм, стройности пропорций и по тщательности обработки поверхности они не имеют себе равных среди тысяч находок древних топоров, хранящихся в фондах музеев страны.

Три топора почти одинаковой формы, отличаются лишь размерами и материалом, из которого они изготовлены. Поверхность украшена хорошо выраженными продольными и поперечными ребрами, канелюрами, которые придают им особое изящество. Четвертый топор-секира по своим пропорциям, форме, тонкому обуху и вычурному изгибу лопасти и лезвия — уникален. Такие формы топоров, выполненные в камне, пока не известны. Приблизительные аналогии ему можно найти лишь в бронзовых топорах-секирах Северного Кавказа, наиболее близким из них является топор из погребения в кургане у станицы Андрюковской на реке Кубани.

Два топора и топор-секира сделаны из темно-зеленого и пестрого нефрита. Эта порода камня очень трудная в обработке. По твердости нефрит уступает лишь алмазу. Поверхность бородинских топоров отполирована до зеркального блеска. Этот трудоемкий процесс требовал от древних мастеров больших усилий и времени. Полировка поверхности топоров, наведение граней производилось в древности кварцитовым песком. В настоящее время для сокращения времени работ нефрит обрабатывается алмазной пылью. Темно-зеленый нефрит был доставлен на западные берега Черного моря с далеких Саянских гор, где в их восточной части находится Оспинское месторождение с залежами этого типа нефрита. Из пестрого зелено-серого нефрита, также саянского происхождения, изготовлены два других топора.

Из Саян в Западное Причерноморье, по-видимому, поступал только камень (сырье), а изготавливались топоры на месте в одной мастерской, а может быть и одним мастером. Об этом свидетельствует обстоятельство, что первые три топора, имеющие совершенно одинаковую форму, в Сибири не имеют себе подобных. Отдельные их экземпляры известны лишь в Поволжье и Приазовье.

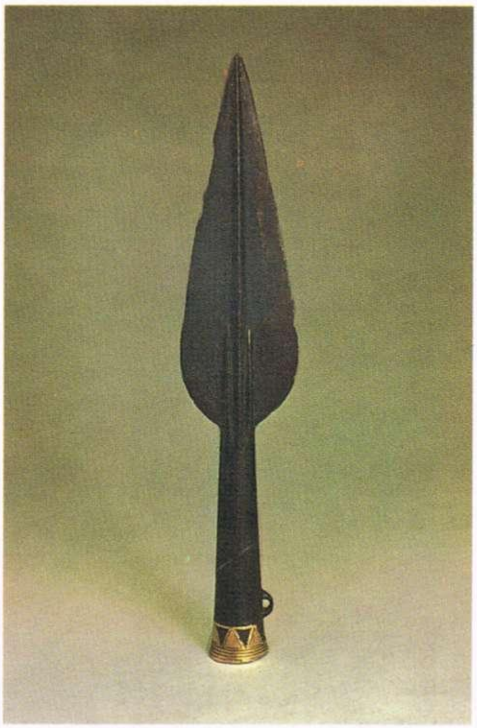
Таким образом, все предметы Бородинского клада представляют редкую художественную и историческую ценность.

Клад несомненно являлся большим сокровищем и в древности. Об этом свидетельствует, во-первых, сам факт его захоронения, скорее всего в момент межплеменных столкновений, во-вторых, все изделия клада береглись, на них нет следов употребления. Серебряные копья и кинжал заточены только один раз и то не по всему лезвию. Наверное ценился и сам редкий металл — серебро с золотом, и привозной нефрит, ибо со всеми целыми изделиями были спрятаны и серебряная втулка сломанного копья, и обломки топора. Это убеждает, что Бородинский клад должен был принадлежать богатому человеку, скорее всего могущественному родовому вождю и крупному военачальнику, чья власть простиралась над несколькими родами и племенами. Об этом свидетельствуют и три булавы, которые в древности являлись неприменными символами верховной власти. Возможно, об этом могут говорить и четыре изящных топора из нефрита. Все они — не рабочие орудия, на них нет следов употребления. Выделка их была чрезвычайно трудоемкой, да и камень — саянский нефрит, дорогое сырье из-за своей редкости и удаленности места добычи. Эти изящные топоры, бесспорно, служили навершиями жезлов и являлись теми же символами власти, что и три булавы.

Анализ формы, техники литья и ювелирных приёмов украшения, а также манеры орнаментации изделий клада заставляют считать их выполненными в едином стиле и одновременно. Серебряные копья, кинжал и булавка, хотя и имеют аналогии в культурах Восточной Европы и Сибири (Урал, Поволжье, Алтай), культурах Эгейского мира (древние Микены), представляют собой синтез далеких восточных и юго-западных влияний творчески переработанных и воплощенных в шедеврах Бородинского клада местными мастерами.

Все предметы клада составляют очень редкое и эффектное парадное снаряжение некогда могущественного вождя, жившего в середине II тысячелетия до н. э., а точнее в 1550—1450 гг. до н. э.

Т. Б. Попова

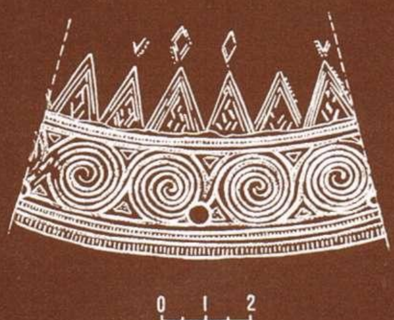


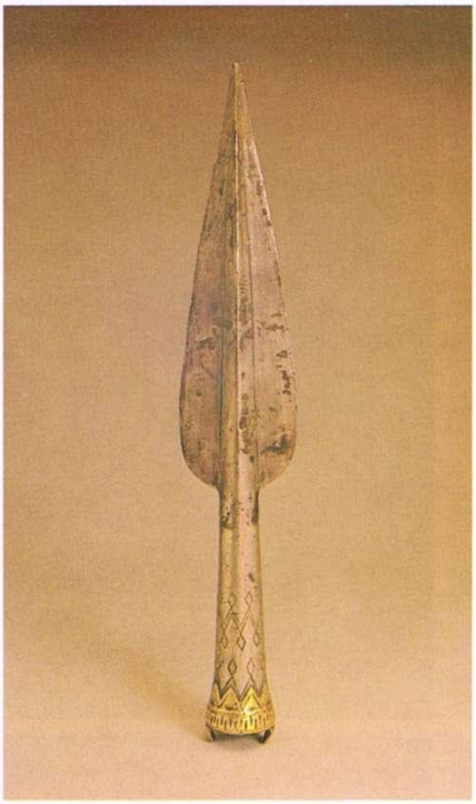
Копье. Серебро с золотой инкрустацией. Длина 24,7 см

Lance-head. Silver inlaid with gold. Length 24.7 cm

Втулка копья. Серебро с золотой инкрустацией. Длина 11,9 см

Socket of lance-head. Silver inlaid with gold. Length 11.9 cm





Копье. Серебро с золотой инкрустацией. Длина 34,1 см

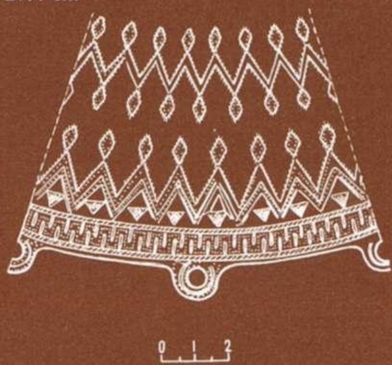
Lance-head. Silver inlaid with gold. Length 34.1 cm

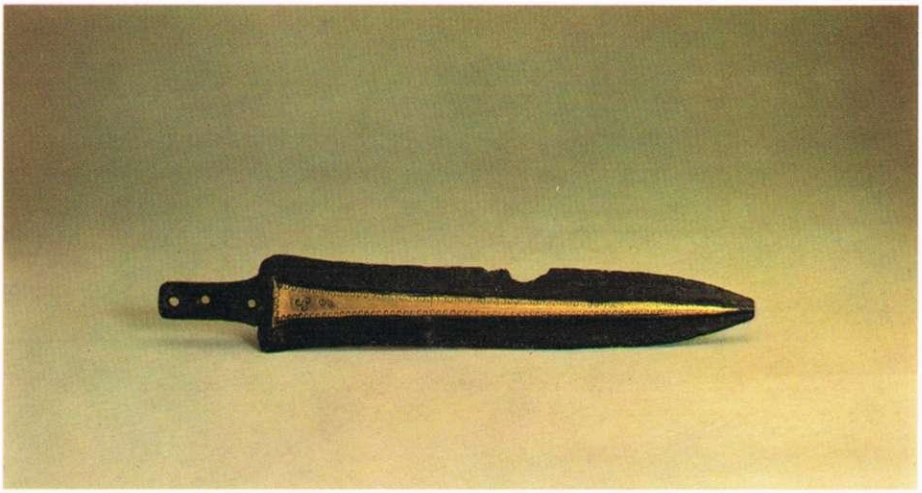
Кинжал из Микенского некрополя. Копия. Длина 40 см

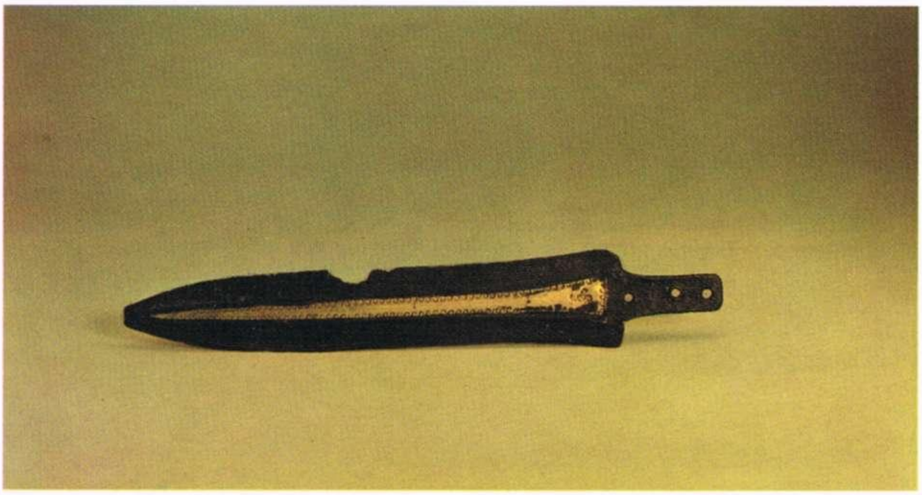
Кинжал. Серебро с золотой инкрустацией. Длина 27,4 см

Dagger from Mycenaean necropolis. Copy. Length 40 cm

Dagger. Silver inlaid with gold. Length 27.4 cm

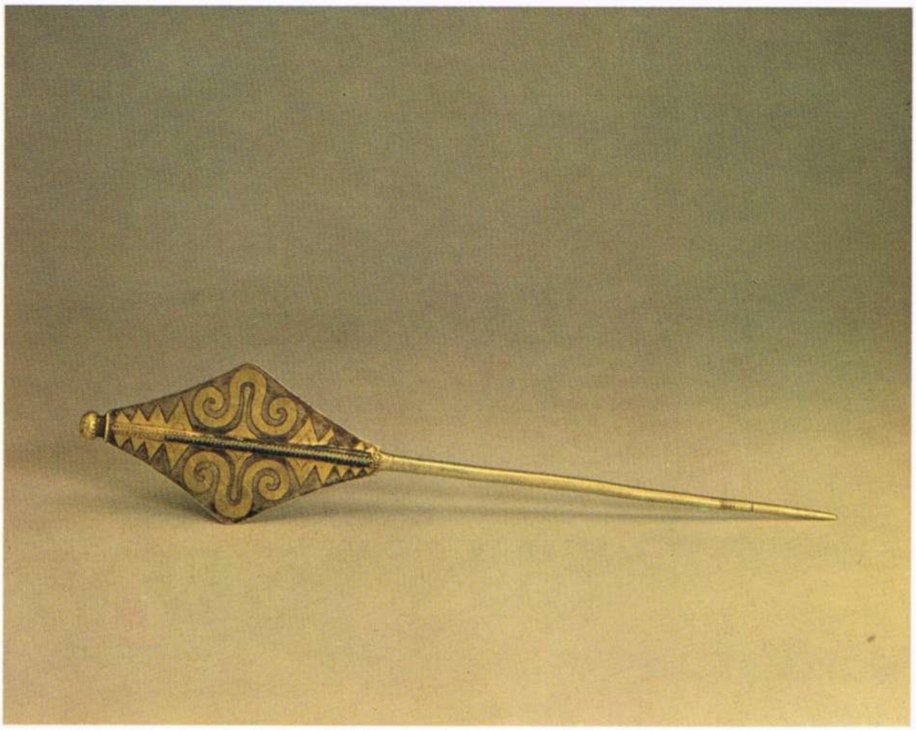


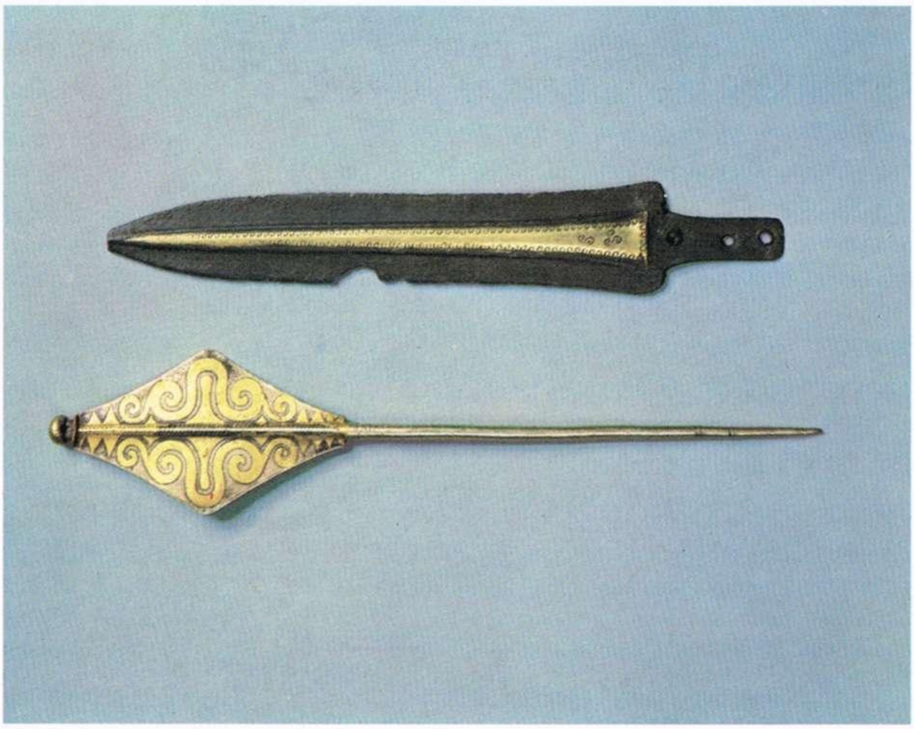


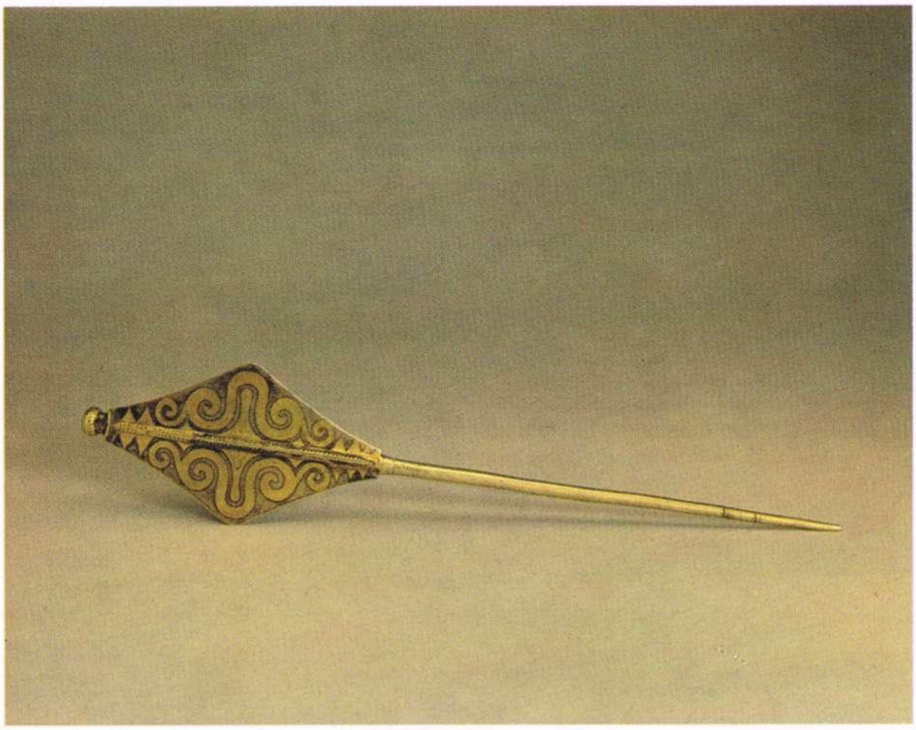


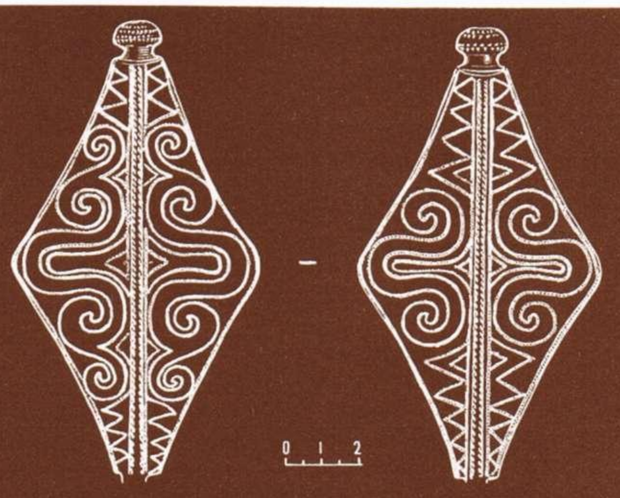
Кинжал. Серебро с золотой инкрустацией. Длина 27,4 см. Лицевая и оборотная стороны

Dagger. Silver inlaid with gold. Length 27.4 cm. Observe and riverse sides









Булавка. Серебро с золотой инкрустацией. Длина 31,2 см. Лицевая и оборотная стороны

Pin. Silver inlaid with gold. Length 31.2 cm. Observe and riverse sides

Кинжал и булавка. Серебро с золотой инкрустацией

Dagger and pin. Silver inlaid with gold

Навершия булав. Камень-тальк. Диаметры — 6,6 см, 5,5 см, 6,6 см

Mace heads. Talcum stone. Diameters — 6.6 cm, 5.5 cm, 6.6 cm

Топор-секира. Бронза. Курган у станции Андрюковской. Река Кубань. Длина 31 см

Топор-секира. Западно-Саянский нефрит

Pole-axe. Bronze. Burial mound near Andryukovskaya village. The Kuban river. Length 31 cm

Pole-axe. Western Sayani nephrite

Топор сверленый. Западно-Саянский нефрит. Длина 18,1 см

Axe with drilled opening. Western Sayani nephrite. Length 18.1 cm

Топор-секира. Западно-Саянский нефрит. Длина 25 см

Pole-axe. Western Sayani nephrite. Length 25 cm

Топор сверленый. Восточно-Саянский пестрый нефрит. Длина 19,6 см

Axe with drilled opening. Variegated nephrite from Eastern Sayani. Length 19.6 cm

The Borodino treasure, also known as Bessarabsky, is among the most valuable expositions of the Archaeological Department in the State History Museum. It was discovered in 1912, the same year that the Seim burial ground happened to be excavated in the middle reaches of the Volga. Both sites despite the distance between them yielded a number of metal objects belonging to one and the same period and which had analogous counterparts in precisely dated monuments located in Asia Minor and the Aegian Sea area. This made it possible to fix the chronological landmarks of the Bronze Age in Eastern Europe. Finds made over 70 years ago are still unrivaled for establishing the absolute dates of monuments pertaining to the 2nd millennium B.C.

The 2nd millennium B.C. is the time when the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe were populated by diverse ethnic and cultural groups whose economic life gradually became reliable on cattle-breeding which later developed into an independent and basic sphere of production. Its effectivity was particularly high among the tribes of Eurasia. This was the time of progress in making the fullest use of cattle-breeding. Specialization divided it into meat and dairy farming. The invention of the weaving loom prompted wool processing which spread on a wide scale. Cattle was used as a means of locomotion and for land tilling. The horse began to be used for military needs, and the first cavalry appeared.

The tribes with a highly developed cattle-breeding economy had an advantage over these populating the forest zone, who pursued fishing, hunting and gathering.

Cattle-breeding tribes began to produce cattle and animal product over and above their needs, thus turning these objects into means of barter and the cattle itself into a unit of barter.

This gave rise to property differentiation among these tribes. Its rapid growth led to the concentration of wealth in the hands of the tribal or military chiefs.

In the 2nd millennium B.C. metallurgy of copper and bronze reached its Golden Age. Its progress was no less significant for the development of production relations than cattle-breeding.

The production of bronze implements and especially weapons increased the demand for ores. Most of Eastern Europe lacked natural deposits of copper ore, the basic raw material for the needs of metallurgy. Its inhabitants went out in search of bronze objects produced by tribes living in copper-rich areas, and later began to procure the ore so as to make their own implements and weapons.

In the 4th–3rd millennia B.C. the Caucasus and the Pre-Carpathians were the most accessible and abundant in ore. By the middle of the 2nd millennium B.C. the Urals, its fore-part area and the Altai mountains were the chief source of raw materials for copper and bronze metallurgy used by most of the tribes in Eastern Europe.

The dire need for metal led to contacts and exchange between different tribes that were often separated by thousands of kilometres.

The objects in the Borodino treasure make it possible to establish the ancient ties between the tribes living in the north-western part of the Black-Sea area and those populating Eastern

Europe and Siberia, as well as with the ancient civilizations of the Cretan-Mycenaean culture in the Balkan Peninsula, thus incorporating the culture of Eastern Europe into a single historical process.

The Borodino treasure was discovered by peasants working in a quarry among low-lying mound-like elevations on the outskirts of Borodino village in Akkerman District of the former Bessarabskaya Province, which accounts for its name. It was handed over to E.R. Shtern, an archaeologist from Odessa who was the first to give it a thorough study, and in 1913 reported his work to the International Congress of Historians in London, thereby earning the treasure world-wide fame. Shortly after, his report was published in the 34th Issue of Materials on Archaeology of Russia and became known to a large number of historians and archaeologists.

Ever since the treasure has been studied and interpreted by many scholars, but the most exhaustive analysis was made in 1949 by O.A. Krivtsova-Grakova, a worker of the State History Museum.

In 1914 an archaeological commission transferred the treasure, in view of its huge significance, to the Museum of Fine Arts. In 1923 it was handed over to the State History Museum in exchange for antique Greek vases from the collection of M.P. Botkin. Since then it has been constantly on display at various exhibitions in the Soviet Union and abroad.

The treasure consists of 17 objects, 11 of which have been wholly preserved, while the remaining 6 have survived to our days only in fragmentary form. They are: 2 silver lance-heads and the socket of a similar lance-head which had been broken at the time of its use; a silver dagger and a long pin; four polished bored axes of nephrite, and three stone mace-heads of different form. It also includes three fragments of stone axes, two bronze plates which are apparently bindings for shafts, and two fragments of ceramics.

The metal objects comprising two well-preserved lance-heads and the socket of another are all made of silver. The biggest and heaviest lance-head is 34.1 centimetres long and weighs 519.1 grams. The fineness of silver is 916. The same silver standard is observed in the socket. The second, smaller arrow-head weighs 280.8 grams and is made of lower-grade silver with a fineness of 400, showing the excessive prevalence of copper in the alloy. Spectral analysis has defined the source of the raw material as the Nikolsk silver ore deposits in the Preurals area.

In ancient times lance-heads were fitted on to long wooden shafts. To ensure sound attachment the pieces were bound by a tawed leather thong that was passed through two lugs on the first lance-head, the eye on the second one and the two perforations in the socket of the third.

The Borodino lances (head, socket, lugs and eyes) were cast in a single piece in two-sided moulds, a casting technique testifying to the high mastery of the ancient metal workers. After the casting process, the surface of the lance-heads was subjected to additional treatment. The master sanded off all the seams, evened up and polished the surface. At first the rounded core of the lance-head was hammered into a sharply-cut fin which gave the weapon a handsome elongated form. The blade was then flattened with miniscule precision and carefully forged. The blade was sharpened only in its upper pointed part: apparently silver lance-heads were dearly valued and care was taken to avoid loss of precious metal during sharpening.

After the polishing operations the surface of the first lance-head and all the three sockets were ornamented by skillful silver-smiths. The ornament consists of miniature flat and round chasing designs. All the sockets are embellished with fine engraving and inlaid with gold leaf having a fineness standard of 750. All the ornaments show an identical technique and similar methods of working with precious metals. The master began the work by chasing the design on the silver foundation of the lance-head. Then the ornament was inlaid by an extremely fine gold plate, its exceptional paper-thin quality making it possible to spend hardly more than 5 grams of gold leaf on all the three sockets. The production of gold leaf was an art in itself. The design that was superimposed on the inlaid gold work repeated in detail the ornament wrought on the silver foundation. Therefore all the lines imprinted on the gold leaf repeated the lines on the silver base. The gold filled in all the depressions in the silver and fixed the gold leaf on to the lance-head. This method was well known in many ancient cultures of the Aegian world and Minor Asia. On objects from the Borodino treasure it bears witness to a long-existing system of inlaid gold work on silver. Similar technique is still widely used in jewelry work.

The designs on all the three sockets of the lance-heads are diverse and command great interest.

The socket of the biggest lance-head displays a complicated ornament consisting of three zones. The upper band shows twin zigzags with diamond-shaped figures on its points. Dotted lines run along the inner edge of these figures while their outer edge is bordered by a fringe of notches. The second band of the ornament is made up of the same diamond-shaped figures connected by a zigzag, and underlines another row of triangles. The third ornamental band covers the entire gold plate on the protruding surface of the socket. It carries two lines of deeply-cut notches with a dotted meandrous line inbetween. The two gold-plated lugs and their fine ornamentation testify to the master's high skill. The lance-head carries an unusually fine ornament of miniscule notches along its entire edge.

The socket of the second lance-head carries a more simple ornament. It is made up of triangles bordered by two relief gold bands. Inside the band silver triangles alternate with those inlaid with gold, imparting a semblance of relief to the entire ornament.

The socket from the third, missing lance-head is embellished by a broad gold plate ornamented with tightly coiled spirals and the remaining space is filled in with triangles formed by dot-like indentures. The gold band is topped by a line of triangles. The space inside the triangles is filled in with a meandrous ornament.

Lance-heads of the type discovered in the Borodino treasure, only made of bronze, have been excavated in the Volga and the Preurals areas, Northern Kazakhstan and Siberia. They are linked with rich burials and are dated to approximately the middle of the 2nd millennium B.C. (15th–16th cc. B.C.). In terms of archaeological classification they are referred to lance-heads of the Seim-Turbino type. The State History Museum has similar lance-heads made of bronze and silver from the Turbino burial ground. Some of them carry a relief ornament on their sockets. However all the previously discovered objects, even those of silver, bear a much more simple design than the finds of the Borodino treasure, whose ornamentation has no analogues. Similarity is observed only in separate details of the ornament, such as the hatched triangles and diamonds, and meandrous lines, which are also found in different Eurasian cultures, and designs of spirals and swastikas which occur in the Aegian cultures. On the whole the ornamentation of the above-mentioned objects is the fusion of different cultural influence, artistically rehashed by local masters.

The dagger from the Borodino treasure shows a similar technique. Its blade and haft are wholly cast of silver. The metal was poured into a single mould through an opening at the dagger's point. The surface was then hammered and polished, the blade partially sharpened and three perforations were made in the haft. Rivets were used to fix the handle to the haft of the dagger. Unfortunately, the handle, which could have been of wood or bone, has not survived. It may well have been made of metal, like the handles of daggers found in the Mycenaean royal tombs in Greece. The blade shapes of Mycenaean and Borodino daggers have much in common. The blades of both are inlaid from each side with gold leaf which is confined to the central parts of the daggers. The gold applications repeat exactly the shape of the blade. The Borodino dagger is covered with a finely chased ornament in the shape of a semi-spiral. The motif is applied at the junction of the gold leaf and the silver base and serves to fix the gold application to the blade. The casting technique and inlaid work are identical to those of the Mycenaean daggers. Of special interest are the two triskelia—schematic flower designs—depicted in the central part of the blade on its both sides. The triskelia have been impressed in the same way as the ornament running along the gold plating. This motif is also found on plates from Mycenaean tombs and has analogues in other Aegian monuments pertaining to the middle of the 2nd millennium B.C.

The silver pin from the Borodino treasure shows the same casting technique and inlaid work typical of all other silver objects in this group. The pin has a large diamond-shaped head finished off by a round knob. The head and its flat diamond plate were cast separately, joined to the pin by means of a small dowel and then soldered. A vertical perforation was made in the knob. The pin is rather massive with a length of 31 cm and a weight of 173.5 grams. It was used to hold together pieces of clothing and as adornment. A cord was run through the perforation in the knob and wound around the head and pin to fasten it in the garment. Its massive form points to its apparent use for ceremonial occasions. The same is conformed by the rich ornament of inlaid gold and fine notching. Both sides of the diamond-shaped head carry a floral ornament made up of lilies and spirals and rows of triangles. On one side of the diamond-shaped plate triangles prevail over the floral design, the other is almost wholly covered by the floral motif. The edges of the gold plate are bordered by a design of chains of circles imprinted by a stamp in the form of a tube.

The pin has an original form which has no complete analogues. The triskelia motifs of lilies (lotos) and spirals, which hold a central place in the ornamentation of the pin, correspond in many ways to the motifs discovered on a number of plates from the Mycaenean tombs. Nevertheless their combination with rows of triangles adds an original touch to the object and points to the influence of eastern cultures.

All the three mace-heads from the Borodino treasure are made of white talcum stone which was well-known in those ancient times in the Caucasus and the Sayani mountains. They are elegant, well-polished and perforated, and had in their time been hafted on to a wooden staff. Two of the mace-heads have almost spheric slightly flattened forms. The shape of the third is rare and more intricate. Its elongated egg-like form is set with four hemispheres and the perforation is embellished by raised circular bands.

These forms are often met in monuments from the Northern Black Sea area, the Caucasus, Volga and Don areas, dating to the Bronze age, and are typical of many ancient peoples. They are usually excavated from rich burial mounds and are linked with tribal chiefs and clan elders.

The greatest credit among the Borodino treasure items belongs to the four stone axes with drilled openings. Their perfect elegant form, balanced proportions and surface treatment make them unrivaled among the thousands of ancient axes in the country's many museums.

The three axes of almost identical form are distinguished for their size and material. Their surface is decorated with well-pronounced vertical and horizontal ribs and flutes which impart a particular elegance to the objects. The fourth instrument—a pole-axe—is unique in terms of proportions, form, its finely chiselled head and fancy curve of the blade. No other stone axe of this type has yet been discovered, although there is a certain similarity in the bronze pole-axes from the Northern Caucasus, the greatest likeness being observed in the hatchet from the burial mound near Andryukovskaya village on the Kuban river.

The two axes and single pole-axe are made from dark-green and variegated nephrite, a stone very difficult to work with and yielding in hardness only to diamond. The surface of these axes has been polished to resemble mirror glass, an arduous operation that called for great effort and much time. In those times polishing operations and the shaping of the instrument's facets were performed by means of quartz sand. Today the job has been simplified by using diamond dust. The dark-green nephrite was delivered to the western Black Sea coast from the far-off Sayani mountains, and precisely from the present Ospinsk jade deposits situated in their eastern part, which is known for this specific variety of the mineral. The two other axes are made of variegated green-grey nephrite of the same origin.

Apparently the mineral was brought from the Sayani to the western Black Sea area as raw material, and was worked in a single workshop and perhaps even by one and the same master. Evidence of this is that the three axes from the Borodino treasure, all boasting the same form, have no analogues in Siberia. Isolated axes of this type have been discovered only in the Volga and Azov areas.

All this accounts for the rare artistic and historical value of the Borodino treasure.

It was undoubtedly also a thing of value in those ancient times. This is testified by the fact of its burial which had apparently occurred during inter-tribe clashes. Moreover, the objects bear no trace of usage and had been carefully preserved. The silver lance-heads and the dagger have been sharpened only once and even then only in part. One can assume that value was also placed on the rare metals—silver and gold, and the "imported" nephrite, for the silver socket brocken off a damaged lance-head and the fragments of an axe were also buried with the treasure. It can be gathered, therefore, that the Borodino treasure had belonged to a person of wealth, apparently a powerful clan and military chief who had command of several clans and tribes. This is also confirmed by the three mace-heads, the unconditional symbols of supreme power. The four elegant nephrite axes also speak in favour of this idea. All of them are not working tools and have never been used. The arduous effort that went to their making from the Sayani nephrite, a material valued for its rarity and distant location, point to the fact that these elegant axes had served the same purpose as the three made-heads and were used as the heads of staffs of office.

Analysis of form, casting technique and methods of ornamental metal work, as well as the style of ornamentation allows one to speak of a single style and time of execution. The silver lance-heads, dagger and pin, which have analogues in the cultures of Eastern Europe and Siberia (the Urals, Volga and Altai areas), and the Aegean cultures (ancient Mycenae) are a synthesis of far eastern and south-western influence which has been creatively rehashed and incorporated in the masterpieces of the Borodino treasure by local masters.

All the objects comprise an extremely rare and effective ceremonial attire of a powerful chieftain living in the middle of the 2nd millennium B.C., precisely between 1550–1450 B.C.

T. B. Popova

THE BORODINO TREASURE

Внешторгиздат. Изд. № 455р

Цена 70 коп.